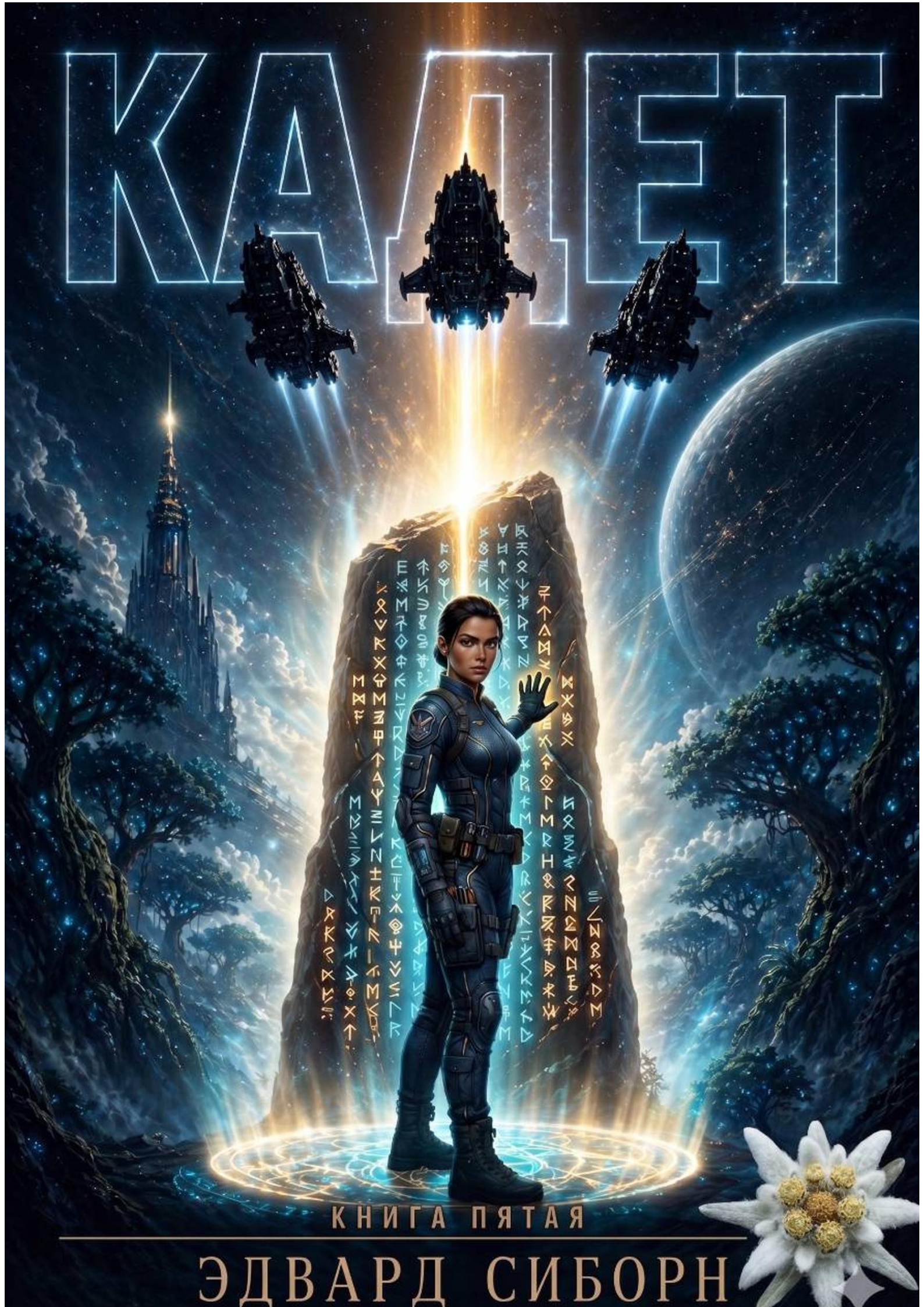

КАДЕТ

КНИГА ПЯТАЯ

ЭДВАРД СИБОРН

Эдвард Сиборн

Кадет

«Автор»

2026

Сиборн Э.

Кадет / Э. Сиборн — «Автор», 2026

Двери, которые ждали пятьдесят миллионов лет, откроются только для неё. Еве Ворон двадцать один. Выпускной курс академии, практика на «Маргарисе», на корабле её отца. В машинном под реактором кто-то поёт, и она ещё не знает, что этот голос изменит её жизнь. Чиро Сатердей, сын Герри и лучший механик после него, замечает то, чего не замечает никто. Но практика только прикрытие. На Кериосе-7 руины языка строителей откроются лишь тому, в чьей крови спрятан ключ. Научная делегация Альянса знает это. Три корабля без опознавательных знаков знают это тоже. Тридцать восемь точек по всей галактике. Одна карта. Семь минут до высадки. «Новый Горизонт» охотится за артефактами не ради науки, а ради власти. Он знает про маркеры Евы. Он знает курс «Маргариса». И кто-то на борту помогает ему узнавать больше. Есть полёты, которые заканчиваются выпускным. А есть те, после которых возвращаются уже не кадетами. И не все возвращаются. «Кадет». Книга пятая космооперы «Эдельвейс далёких звёзд».

© Сиборн Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Бортжурнал	6
Глава 1. Стажёр	7
Глава 2. Экипаж	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Эдвард Сиборн Кадет

Эдельвейс: взлёт и наследие

Книга пятая

«КАДЕТ»

Автор: Эдвард Сибёрн

Редактор: *Claude AI. Горе луковое. Незаменимое.*

Оглавление

Пролог. Бортжурнал

Глава 1. Стажёр

Глава 2. Экипаж

Глава 3. Кериос-7

Глава 4. Семь минут

Глава 5. Орбита

Глава 6. Двенадцать суток домой

Глава 7. Открытый космос

Глава 8. Нормально

Глава 9. Предатель

Глава 10. Домой

Глава 11. Смотровая палуба

ЭПИЛОГ

Пролог. Бортжурнал

Запись 1. День первый практики кадета Евы Ворон.

Она уже переставила три вещи на мостике. Алекс сделал вид, что не заметил. Я заметила. Записано.

Запись 2. День первый. Продолжение.

Нэш взял котов на борт. Официально — личный багаж. Фактически — несанкционированные пассажиры. Первый смотрит на меня с подозрением. Второй спит. Это уже характеры.

Запись 3. День первый. Ещё продолжение.

В машинном кто-то поёт. Это не Герри. Герри не поёт. Герри издаёт звуки, которые технически не являются пением. Выясняю.

Запись 4. День первый. Последняя запись за день.

Это сын Герри. Имя — Чиро. Поёт хорошо. Герри говорит, что это не его заслуга. Я думаю, что заслуга. Но Герри так не говорю.

Запись 5. Итог первого дня.

На борту: один капитан, который делает вид, что на пенсии. Один старпом, который знает, что это неправда. Один хакер с двумя котами и государственным розыском в трёх секторах. Один инженер, который ворчит на всё включая физические законы вселенной. Один сын инженера, который поёт цыганские песни под реактором. Один кадет, которая уже переставила три вещи на мостике и думает, что я не знаю. Один Ребэ Эзра, которому семьдесят девять лет и который говорит, что прилетел проветриться. Один Танек. Одна Клара. Одна Сайра. Девять учёных, из которых один уже взял образец обшивки.

Стандартный экипаж «Маргариса».

Вылетаем завтра.

Мне нравится, когда они все дома.

Глава 1. Стажёр

Станция «Гермес» жила своей обычной жизнью — тридцать тысяч человек, восемь стыковочных ярусов, постоянный гул, который никогда не останавливался. Где-то в этом гуле — если знать куда смотреть — был один конкретный звук. Знакомый. Родной.

Реакторы «Маргариса».

Ева Ворон слышала их ещё на подходе к третьему ярусу. Узнала сразу — как узнают голос человека, которого давно не видел. Не умом — внутри. Где-то там, где живут вещи, которые не требуют объяснений.

Она шла по коридору третьего яруса — в форме кадета последнего курса Высшей академии флота, с баулом, который был тяжелее, чем нужно, потому что она взяла все тактические уставы в бумажном виде, с планшетом в руке и с тем особым выражением лица, с которым приходят, когда очень хотят выглядеть профессионально.

Двадцать один год. Последний курс. Практика.

Домой.

Шлюз третьего яруса открылся раньше, чем она успела нажать кнопку запроса — изнутри. Большая Ева открыла. Конечно открыла. Она видела её ещё от лифта.

— Добро пожаловать на борт, кадет Ворон, — сказал голос из динамика над шлюзом.

— Спасибо, — сказала Ева. Потом добавила тише — только для неё: — Привет, Ева.

— Привет, Ева, — сказала большая Ева. Тепло. По-домашнему.

Ева вошла в шлюз. Запах корабля встретил её сразу — металл, машинное масло, озон от электроники, и ещё что-то неуловимое. То чего нет ни на одной другой станции и ни на одном другом корабле. Просто — «Маргарис». Просто — дом.

Она остановилась на секунду. Просто вдохнула.

— Он на мостике, — сказала большая Ева. Не спрашивая кого она ищет.

— Знаю.

Ева пошла по коридору. Двенадцать палуб, которые она знала наизусть — каждый поворот, каждая ступенька, каждое пятно на переборке у третьей каюты, которое Герри обещал закрасить три года назад и так и не закрасил. Пятно было на месте. Это почему-то радовало.

На мостик она вошла без стука.

Алекс Ворон стоял у главного иллюминатора — спиной к ней, в мундире, смотрел на стыковочный ярус. Та же прямая спина. Те же чуть сведённые лопатки — привычка капитана, которая не уходит даже на пенсии. Немного седины в волосах, которой раньше не было.

Ева поставила баул и выпрямилась по стойке смирно.

— Кадет Ворон, — сказала она. Официально. Чётко. — Прибыла для прохождения практики на борту крейсера «Маргарис». Разрешите приступить к исполнению обязанностей.

Алекс не обернулся сразу. Стоял секунду. Потом медленно повернулся.

Смотрел на неё. На форму. На серьёзное лицо. На баул, который явно весил слишком много.

— Ева, — сказал он.

— Папа — я на службе.

— Ева.

— Что.

— Твоя каюта третья слева. Ты её знаешь.

— Я знаю.

— И Ева.

— Что.

Он смотрел на неё — на двадцатидвухлетнюю девушку с тёмными глазами, которая пришла на Сферу двенадцатилетним ребёнком и стояла под дождём первый раз в жизни и не двигалась, пока не промокла насквозь. Которая читала тактические уставы в три ночи. Которая взломала учебный терминал за три минуты сорок секунд. Которая выросла на его глазах во что-то, что он ещё не умел назвать словами но чувствовал точно.

— Добро пожаловать домой, — сказал он.

Ева смотрела на него секунду. Потом — тихо, только для него, забыв про официальный тон:

— Спасибо, папа.

Рэй Вейл вошла на мостик через минуту — с планшетом, деловая, быстрая. Увидела их двоих стоящих у иллюминатора. Остановилась.

— Уже? — спросила она.

— Что уже? — спросил Алекс.

— Сентиментальничаете.

— Мы не сентиментальничаем, — сказал Алекс.

— Вы стоите у иллюминатора и молчите.

— Это тактическое планирование.

— Конечно, — сказала Рэй. Улыбнулась — той улыбкой, которая означала, что она всё видит и всё знает и всегда знала. — Ева. Добро пожаловать. — Она обняла её коротко, крепко. — Похудела.

— В академии кормят нормально.

— Нормально — это не то же самое, что хорошо, — сказала Рэй. — Сегодня вечером поешь по-человечески.

— Рэй. Я кадет на практике.

— Ты моя дочь на ужине, — сказала Рэй просто. — Это не противоречит уставу.

Ева открыла рот. Закрыла. Кое-что в жизни не имело смысла оспаривать.

Большая Ева фиксировала всё это через датчики мостика. Внесла запись в бортжурнал: «Кадет прибыла. Баул тяжёлый — предположительно тактические уставы в бумажном виде. Алекс притворялся, что занят тактическим планированием. Рэй не притворялась. Всё как обычно. Только лучше».

Нэша она нашла в техническом отсеке.

Он сидел за своей станцией — наушники на шее, три планшета параллельно, и у ног — переноска. Из переноски смотрели два кота. Один рыжий — смотрел на Еву с выражением глубокого профессионального недоверия. Второй спал, свернувшись, не реагируя ни на что.

— Нэш, — сказала Ева.

— Здесь, — сказал Нэш не поднимая взгляда.

— Коты.

— Первый и Второй.

— Третий рейс подряд.

— Они опытные.

— У них нет допуска к операциям флота.

— Есть, — сказал Нэш. Поднял взгляд. Посмотрел на неё прямо. — Я оформил. Технические консультанты по вопросам акустики корабельных помещений.

Ева смотрела на него. Потом на котов. Первый продолжал смотреть с профессиональным недоверием. Второй спал.

— Нэш.

— Что.

— Это незаконно.

— Технически — нет. Я проверил устав. В уставе не сказано, что технический консультант должен быть человеком.

— В уставе это не сказано, потому что никто не предполагал, что это нужно уточнять.

— Это недальновидность устава, — сказал Нэш. — Не моя проблема.

Ева смотрела на него ещё секунду. Потом — не смогла удержаться — улыбнулась. Нэш это заметил. Не сказал ничего. Просто чуть — совсем чуть — опустил уголки рта вниз, чтобы скрыть ответную улыбку. Не получилось.

— Дядя Нэш, — сказала Ева тихо.

— Что.

— Рада тебя видеть.

— Я тоже, — сказал Нэш. Коротко. Просто. Как всегда.

Первый кот вдруг встал, потянулся, и вышел из переноски. Подошёл к Еве. Обнюхал её ботинок. Посмотрел вверх — долго, изучающе. Потом вернулся в переноску и лёг рядом со Вторым.

— Одобрил, — сказал Нэш.

— Он меня проверял?

— Он всех проверяет. — Нэш вернулся к экранам. — Ты прошла. Это хороший знак.

Клара была на боевом посту — там, где всегда. Официальная поза. Руки за спиной. Взгляд на экраны периметра.

Ева остановилась у входа.

— Клара.

— Ворон. — Клара не оборачивалась. — Опоздала на четырнадцать минут от расчётного времени прибытия.

— Лифт на втором ярусе не работал.

— Лифт на втором ярусе не работает каждый вторник. Я проверяла расписание технических работ станции. Следовало заложить запас.

Ева смотрела на её спину. Потом — медленно — кивнула.

— Учу.

— Хорошо. — Пауза. — Ворон.

— Что.

— Рада тебя видеть.

— Взаимно, — сказала Ева.

Клара кивнула. Коротко. По-клариному. Это был весь разговор. И этого было достаточно.

Танек стоял в коридоре у оружейного отсека. Просто стоял. Смотрел в стену. Жевал жвачку.

Ева подошла. Остановилась рядом.

Они помолчали секунды три.

Танек достал из кармана пластинку жвачки. Протянул ей — не глядя.

Она взяла.

Это был весь разговор. Этого тоже было достаточно.

Сайра открыла дверь медотсека раньше, чем Ева успела постучать.

— Знала, что придёшь, — сказала она. — Заходи.

Ева зашла. Медотсек был тот же — чистый, аккуратный, с запахом антисептика и чего-то травяного. Сайра заваривала чай. Две кружки. Она всегда знала заранее.

— Как академия? — спросила Сайра ставя кружку перед ней.

— Нормально.

— Нормально — это не ответ.

— Хорошо. Сложно. Интересно.

— Это ответ. — Сайра садилась напротив. — Влюбилась?

Ева посмотрела на неё.

— Сайра.

— Что. Я врач. Мне важно состояние пациента.

— Я не пациент.

— Ты всегда пациент. Просто иногда здоровый. — Сайра отпила чай. — Не влюбилась. Ясно.

— Откуда ясно.

— Если бы влюбилась — или сказала бы сразу или покраснела бы. — Сайра смотрела на неё спокойно. — Ты не сделала ни того ни другого. Значит нет. Пока.

Ева смотрела на неё. Потом в кружку.

— Пока, — повторила она. — Почему «пока»?

— Потому что рейс только начинается, — сказала Сайра просто. — Пей чай. Он хороший. Ребэ Эзру она нашла в большом зале, где собирали делегацию.

Он сидел на ящике с оборудованием и пил чай — откуда всегда брался чай у Ребэ Эзры было загадкой, на которую никто не пытался найти ответ. Вокруг суетились учёные — девять человек, каждый тащил что-то своё, кто-то уже потерял документы, кто-то спорил о распределении кают. Ребэ Эзра сидел в центре этого хаоса с абсолютным спокойствием человека, которому семьдесят девять лет и который видел хаосы и похуже.

Ева подошла. Он поднял взгляд. Улыбнулся — той тихой улыбкой, которая не менялась сколько она его знала.

— Ева, — сказал он. — Ты выросла.

— Вы это говорите каждый раз.

— Потому что каждый раз правда. — Он подвинулся на ящике. — Садись.

Она села рядом. Рядом с ним всегда было хорошо — тихо, спокойно, как будто мир немного замедлялся.

— Ребэ. — Она смотрела на суесящихся учёных. — Зачем вы здесь. На самом деле.

— Арна сказала, что я слишком много сижу дома.

— Я знаю, что вы сказали Алексу. Я спрашиваю на самом деле.

Ребэ Эзра смотрел на свою кружку. Потом на неё.

— Я видел тебя маленькой, — сказал он. — На Сфере. Когда «Маргарис» уходил в первый раз — ты стояла у иллюминатора и смотрела, как корабль уменьшается. — Он помолчал. — И я думал тогда — эта девочка полетит дальше всех нас. — Пауза. — Я хотел увидеть, как это начинается.

Ева смотрела на него.

— Это ещё не начало, — сказала она. — Это практика.

— Всё начинается с практики, — сказал Ребэ Эзра. — Даже жизнь.

Рядом что-то грохнуло — геолог уронил ящик с образцами. Кто-то закричал. Ребэ Эзра не пошевелился. Просто отпил чай.

— Ребэ, — сказала Ева. — Там кто-то упал.

— Вижу.

— Может помочь?

— Сайра поможет. — Он кивнул в сторону коридора, где уже шла Сайра с медицинским планшетом. — Мне семьдесят девять лет. Я пью чай.

Ева улыбнулась. Тихо. Для себя.

В машинное она шла последней.

Не потому что оставила на потом — просто так получилось. Или не просто так. Она и сама не была уверена.

Герри стоял у пульта управления реакторами — спиной, как всегда. Работал. Что-то проверял, что-то записывал, что-то ворчал себе под нос на языке, который был одновременно техническим и личным.

— Герри, — сказала Ева.

— Знаю, что ты здесь, — сказал Герри не оборачиваясь. — Слышал шаги от четвёртой переборки.

— Как двенадцатый реактор?

— Нормально. — Он обернулся. Посмотрел на неё — быстро, оценивающе, как смотрит механик на деталь, которую давно не видел. — Похудела.

— Рэй уже сказала.

— Рэй права. — Герри убрал инструмент. — Зара передаёт привет.

— Как она?

— Нормально. Кормит всю Сферу. Говорит, что здесь нет нормальной еды. — Пауза. — Она права.

— Герри. Я слышала пение, когда шла по коридору.

Герри смотрел на неё. Потом — коротко, без лишнего:

— Это Чиро.

— Чиро?

— Мой сын. — Пауза. — Попросился. Я взял.

— Он механик?

— Лучший после меня, — сказал Герри. Это было примерно как если бы кто-то другой сказал «лучший в галактике» — Герри не преувеличивал никогда.

— Я хочу познакомиться.

— Познакомишься. — Герри повернулся обратно к пультам. — Он там. Под двенадцатым.

Ева подошла к двенадцатому реактору. Заглянула снизу.

Из-под реактора доносилось тихое пение — что-то цыганское, незнакомое, с ритмом, который не вписывался ни в один известный ей размер. Видны были только ноги в рабочих ботинках и руки, которые что-то делали с контактным блоком — уверенно, точно, без лишних движений. Герриевские руки. Только моложе.

— Эй, — сказала Ева.

Пение остановилось. Пауза.

— Эй, — сказал голос из-под реактора.

— Ты кто.

— Чиро.

— Что делаешь.

— То же, что папа.

Из-под реактора выкатилась тележка — медленно, плавно. На ней лежал человек лет двадцати двух-трёх. Тёмные волосы. Тёмные глаза — быстрые, живые, с искрой, которая была чем-то средним между любопытством и смехом. Улыбка — широкая, цыганская, та, которая появляется раньше, чем человек успевает решить улыбаться или нет. Лицо и руки в масле. Рабочий комбинезон с эмблемой «Маргариса» на плече.

Он смотрел на неё снизу вверх. Она — сверху вниз.

— Ева Ворон, — сказала она.

— Знаю кто ты, — сказал Чиро. Голос — спокойный. — Папа рассказывал.

— Что рассказывал?

— Что ты замечаешь детали, которые другие пропускают. — Пауза. — И что не паникуешь.

Ева смотрела на него. Это было точное описание. Слишком точное для человека, который её никогда не видел.

— Хорошо, — сказала она. И пошла к выходу.

— Ева.

Она остановилась. Обернулась.

— Что.

Чиро лежал на тележке и смотрел на неё — без улыбки теперь. Просто смотрел. Спокойно.

— Входной контакт левого блока, — сказал он. — Ты на него посмотрела дважды.

Ева вернула взгляд на блок. Посмотрела. Потом на него.

— Он другого цвета чем правый, — сказала она.

— Да. Я менял три месяца назад. Другой сплав — чуть теплее в работе. Нужно проверять раз в полгода. — Он не отводил взгляда. — Мало кто замечает.

— Папа говорил, что я замечаю детали, — сказала Ева.

— Да, — сказал Чиро. И снова улыбнулся — той улыбкой. — Приходи завтра. Покажу третий контур. Там интереснее.

Ева смотрела на него секунду. Потом кивнула. Пошла к выходу.

За её спиной из-под реактора снова донеслось тихое цыганское пение.

Большая Ева фиксировала через датчики машинного отделения. Внесла запись в борт-журнал:

«Кадет Ворон познакомилась с Чиро Сатердеем. Разговор — сорок семь секунд. Она заметила входной контакт левого блока двенадцатого реактора. Он это отметил. Герри слышал всё но не оборачивался. Пение возобновилось. Интересно».

Вечером — ужин.

Большой стол на камбузе. Все вместе — как всегда на «Маргарисе» перед рейсом. Рэй готовила по рецепту Зары — почти так же, почти тот же запах. Герри сказал «нормально» и это означало высшую похвалу.

Ева сидела между Алексом и Ребэ Эзрой. Напротив — Чиро. Он ел молча, быстро, с тем аппетитом, который бывает у людей, которые много работают руками. Иногда поднимал взгляд — коротко, на неё, и снова вниз.

Нэш ел одной рукой — второй работал с планшетом. Первый кот сидел у его ног и смотрел на тарелку с профессиональным интересом. Второй спал под столом.

— Нэш, — сказал Алекс.

— Что.

— Планшет за столом.

— Я отслеживаю трафик в секторе Кериос.

— Нэш.

— Там аномалия. Небольшая. Но есть.

Алекс смотрел на него. Рэй смотрела на Алекса. Ева смотрела на планшет.

— Какая аномалия? — спросила она.

— Три корабля прошли через сектор шесть дней назад. Без опознавательных сигналов.

— Нэш отложил планшет. — Может случайность.

— Может, — сказал Алекс.

— Может нет, — сказал Нэш.

За столом стало чуть тише. Не тревожно — внимательно. Та особая тишина людей, которые много летали вместе и знали, что «может нет» от Нэша — это не просто слова.

— Летим всё равно, — сказала Ева.

Все посмотрели на неё. Она не смутилась. Смотрела на Алекса.

— Летим, — согласился он. — Но внимательно.

— Внимательно, — повторила большая Ева из динамика над столом. — Курс проложен. Варп через восемь часов. Расчётное время до Кериоса-7 — семь суток.

— Хорошо, — сказал Алекс. И посмотрел на стол. — Едим.

— Нормально приготовлено, — сказал Герри. Это был его третий раз за вечер. Новый рекорд.

Рэй улыбнулась. Чиро улыбнулся. Ребэ Эзра наполнил свою кружку. Первый кот под столом наконец получил кусочек от Нэша и замолчал.

Ева сидела за столом — среди людей, которых знала всю жизнь и человека, которого не знала совсем — и чувствовала что-то тёплое. Простое. То чего не хватало восемь семестров в академии.

— Ева, — сказал Алекс тихо.

— Что, папа.

— Как тебе дома?

Она смотрела на стол. На людей. На варп-пространство, которое начиналось за иллюминатором камбуза — синее, привычное, родное.

— Хорошо, — сказала она. — Лучше чем везде.

Большая Ева внесла последнюю запись дня в бортжурнал:

«День первый закончен. Все на борту. Все живые. Все едят. Нэш поел с планшетом несмотря на замечание. Герри сказал «нормально» три раза. Коты устроились. Кадет Ворон сидела за столом и улыбалась. Это важно. Записано.

Вылетаем через восемь часов.

Мне нравится, когда они все дома».

Глава 2. Экипаж

«Маргарис» ушёл в варп в 04:17 по корабельному времени.

Не потому что так было запланировано — запланировано было на шесть утра. Просто в четыре утра Алекс вышел на мостик — не спалось, как всегда перед рейсом — и обнаружил там Рикки. То есть не Рикки — лейтенанта Касса, молодого пилота, которого Рэй нашла за двое суток до вылета. Касс сидел за штурвалом и смотрел на огни станции с тем выражением, с которым смотрят, когда очень хотят лететь.

— Касс, — сказал Алекс.

— Капитан. Извините — не спалось.

— Ты проверил все системы?

— Дважды.

— Герри дал добро на двигатели?

— Час назад.

— Делегация на борту?

— Все девять. Геолог взял ещё один образец переборки — Герри объяснил ему. Теперь не берёт.

Алекс смотрел на него. Потом на огни станции. Потом сел в капитанское кресло.

— Большая Ева, — сказал он.

— Слушаю.

— Запрос на досрочный выход.

— Уже отправила. Диспетчер одобрил. — Пауза. — Алекс. Ты тоже не спал.

— Я капитан. Мне положено не спать.

— Это не записано ни в одном уставе.

— Я капитан. Я сам устав.

Большая Ева внесла в бортжурнал: «Капитан пришёл на мостик в 04:11. Сказал, что ему положено не спать. Это неправда. Но спорить не стала. Вылетаем раньше графика. Все довольны».

«Маргарис» отстыковался тихо — без церемоний, без прощальных гудков. Просто отошёл от яруса, развернулся, лёг на курс к варп-точке. Огни станции «Гермес» начали уменьшаться. Потом — варп. Синяя бесконечность, которая всегда одинакова и всегда другая.

Семь суток до Кериоса-7.

Ева проснулась от запаха кофе.

Не от будильника — будильник она отключила в три ночи, когда не могла заснуть и читала тактический устав, в который раз. Не от объявления по корабельной связи. Просто — запах кофе просочился под дверь каюты и она открыла глаза.

06:44 по корабельному.

Она встала. Оделась — быстро, аккуратно, форма кадета последнего курса, всё по уставу. Посмотрела на себя в зеркало. Тёмные глаза. Прямая спина. Серьёзное лицо.

— Ева, — сказала она себе тихо. — Ты на практике. Не дома.

— Ты и там и там, — сказал голос из динамика в углу каюты.

— Большая Ева. Ты подслушиваешь.

— Я корабельный ИИ. Я везде. — Пауза. — Кофе на камбузе. Чиро сварил.

— Почему Чиро?

— Потому что он встаёт раньше всех и у него получается лучше чем у автомата.

Ева смотрела на динамик.

— Это была просто информация, — сказала большая Ева невинно.

— Конечно, — сказала маленькая. И пошла на камбуз.

Чиро стоял у плиты спиной к ней. Без рабочего комбинезона — простая тёмная рубашка, рукава закатаны. Что-то помешивал в кастрюле. Из кастрюли шёл запах, который был определённо не стандартным корабельным завтраком.

— Садись, — сказал он не оборачиваясь.

— Откуда ты знаешь, что это я?

— Шаги. — Он обернулся — коротко, бросил взгляд, обернулся обратно. — Ты ходишь как папа. Тихо и ровно. Но немного легче.

Ева села за стол. Смотрела как он работает — уверенно, без лишних движений. Что-то резал. Что-то добавлял. Напевал — тихо, почти беззвучно — тот же мотив, что вчера под реактором.

— Что ты готовишь? — спросила она.

— Завтрак.

— Это не ответ.

— Цыганская яичница. — Он поставил перед ней тарелку. — Мама учила.

Ева смотрела на тарелку. Потом на него. Потом попробовала.

Это было — неожиданно. Совершенно неожиданно насколько это было хорошо. Что-то острое, что-то пряное, что-то, что она не могла назвать но хотела есть снова и снова.

— Хорошо, — сказала она.

— Знаю, — сказал Чиро. Просто. Без хвастовства — просто факт.

Он налил ей кофе. Себе. Сел напротив. Они ели молча. Это было — нормально. Молчание между ними не было неловким. Просто — молчание двух людей, которым не нужно заполнять тишину.

За иллюминатором камбуза текло варп-пространство — синее, глубокое, привычное.

— Ты раньше летал? — спросила Ева наконец.

— Да.

— На «Маргарисе»?

— Три раза. С папой. Когда был моложе. — Пауза. — Потом он сказал, что мне нужно учиться не у него а у других мастеров. Отправил на Кериос.

— На Кериос? — Ева подняла взгляд. — Где Марк строит?

— Да. Я два года работал в его бригаде. Марк хороший мастер. Строгий. — Чиро отпил кофе. — Учит работать руками и головой одновременно. Говорит, что одно без другого — половина работы.

— Это звучит как Герри.

— Марк учился у папы. — Чиро чуть улыбнулся. — Это чувствуется.

Ева смотрела на него. На спокойное лицо. На руки, которые держали кружку — уверенно, привычно. Руки, которые умели работать.

— Почему ты вернулся? — спросила она. — На «Маргарис».

Чиро думал секунду. Не потому что не знал ответа — просто выбирал слова.

— Папа позвонил. Сказал, что летит особый рейс. — Пауза. — Он никогда не говорит «особый». Он говорит «нормально» про всё. Даже про свадьбу с мамой наверное сказал «нормально». — Ева засмеялась — тихо, коротко. Чиро продолжил: — Когда он сказал «особый» — я понял, что нужно быть здесь.

— Почему?

— Потому что если Герри Сатердей говорит «особый» — значит по-настоящему особый, — сказал Чиро просто.

Ева смотрела на него. Потом в кружку.

— А что ты знаешь о рейсе? — спросила она.

— Кериос-7. Руины древней цивилизации. Делегация учёных. — Он смотрел на неё прямо. — И кое-что про символы, которые нашли в руинах. Язык строителей Сферы. — Пауза. — Папа рассказал.

— Герри рассказал? — Ева не скрыла удивления. — Он обычно не рассказывает.

— Мне рассказывает, — сказал Чиро. — Не много. Но рассказывает. — Он посмотрел на неё — внимательно, без спешки. — Ева. Ты связана с этим. С символами. С языком строителей.

Это не было вопросом. Он это знал. Или чувствовал — что у него одно и то же.

— Да, — сказала она.

— Хорошо. — Чиро встал. Начал убирать со стола — спокойно, методично. — Значит рейс точно особый.

— Тебя это не беспокоит?

Он обернулся. Посмотрел на неё с той улыбкой — не широкой, другой. Спокойной.

— Я сын Герри Сатердея и Зары, — сказал он. — Меня беспокоят только сломанные реакторы и холодный кофе. Всё остальное — нормально.

Большая Ева в бортижурнале: «07:12. На камбузе тихо. Чиро Сатердей приготовил завтрак. Кадет Ворон ела молча и с удовольствием. Разговор — двадцать три минуты. Это рекорд для утра первого дня варп-хода. Записано».

Делегацию Ева встретила на третьей сутки.

Не потому что избегала — просто первые двое суток учёные осваивались, спорили о распределении рабочего пространства и выясняли у большой Евы, где находится всё, что им нужно. Большая Ева отвечала терпеливо. Геолог — его звали Профессор Рен, маленький лысый человек с глазами, которые постоянно искали что-нибудь интересное — попытался взять образец внутренней переборки технического отсека. Большая Ева заблокировала люк за секунду до того, как он туда вошёл.

— Доступ закрыт, — сказала она.

— Но я просто хочу—

— Знаю, что вы хотите, профессор Рен. — Голос большой Евы был вежливым. Очень вежливым. — Ответ отрицательный.

— Это дискриминация учёных.

— Это защита корабельного оборудования. — Пауза. — Образцы внешней обшивки я могу предоставить по запросу. В письменном виде. С обоснованием.

— Письменным?

— Письменным, — подтвердила большая Ева. — В трёх экземплярах.

Профессор Рен ушёл писать заявление. Большая Ева внесла в бортижурнал: «Профессор Рен пытался взять образец переборки отсека 7-Б. Заблокировала. Предложила официальную процедуру. Он пишет. Это займёт время. Мне нравится письменная форма запросов».

Руководителем делегации была профессор Ко.

Маленькая — Ева была выше неё на полголовы. Лет шестидесяти. Короткие седые волосы. Глаза — острые, быстрые, такие, которые видят сразу всё и сразу оценивают. Она говорила точно — ни одного лишнего слова, ни одной лишней паузы. Ева узнала этот стиль сразу. Так говорил Нэш. Так говорил Танек. Люди, которые не тратят слова впустую.

— Кадет Ворон, — сказала профессор Ко, когда они встретились в тактическом отсеке, где Ева проводила брифинг по маршруту. — Я читала ваш личный файл.

— Я знаю, — сказала Ева.

— Уроженка Сферы. Приёмная дочь капитана Ворона. Лучший результат по тактике за последние десять лет в академии. — Профессор Ко смотрела на неё без эмоций — просто констатировала. — И носитель генетических маркеров языка строителей.

— Да.

— Значит вы не просто координатор практики.

— Нет.

— Вы ключ.

Ева смотрела на неё. Прямо. Не отводя взгляда.

— Возможно, — сказала она.

— Не возможно. — Профессор Ко чуть наклонила голову. — Те символы, которые нашли на Кериосе-7 — они требуют биометрического считывания. Без носителя маркеров руины останутся закрытыми. — Пауза. — Это знают все в моей команде. И те кто послал те три корабля без опознавательных знаков — тоже знают.

Тишина в тактическом отсеке.

— Нэш нашёл эти корабли в трафике, — сказала Ева.

— Знаю. Я тоже их нашла. Раньше. — Профессор Ко смотрела на неё спокойно. — Кадет Ворон. Я говорю вам это, потому что вы должны понимать реальную картину. Не официальную — реальную. — Пауза. — Вы понимаете?

— Понимаю, — сказала Ева. — Я — цель.

— Вы и то, что внутри вас. — Профессор Ко встала. — Хороший брифинг. Чёткий. — Она пошла к выходу. У двери остановилась. — Ещё одно.

— Что.

— Вы координируете или командуете?

Ева смотрела на неё.

— Координирую.

— Неправда. — Профессор Ко чуть улыбнулась — первый раз за весь разговор. — Вы командуете. Это хорошо. Но признайтесь себе. Это важнее, чем признаться мне.

Она ушла.

Ева стояла в тактическом отсеке. Смотрела на карту маршрута. На точку Кериос-7.

Большая Ева в бортжурнале: «Профессор Ко — интересный человек. Говорит точно. Видит точно. Кадет Ворон после разговора стояла у карты четыре минуты и молчала. Это тоже форма работы. Я знаю».

На четвёртые сутки Ева пришла в машинное.

Как обещала. Чиро был там — не под реактором, у пульта управления третьим контуром. Работал. Увидел её — кивнул. Не удивился. Ждал.

— Третий контур, — сказал он. — Смотри.

Он объяснял — точно, без лишних слов, показывал руками. Ева слушала. Задавала вопросы — правильные вопросы, те, которые говорят, что человек не просто слушает но думает. Чиро отвечал. Иногда останавливался — смотрел на неё — и продолжал чуть иначе, чуть глубже, потому что видел, что она готова к большему.

Герри зашёл через полчаса. Остановился у входа. Смотрел на них — на сына, который объясняет, на девушку, которая слушает.

Ничего не сказал. Взял инструмент. Пошёл к четвёртому контуру. Работал. Слушал.

— Герри, — сказала Ева не поворачиваясь. — Мы вам не мешаем?

— Нет, — сказал Герри.

— Хорошо.

— Нормально, — поправил Герри. И продолжил работать.

Чиро поймал её взгляд — быстрый, смешливый. Она поняла. Еле удержала улыбку.

На пятые сутки Нэш нашёл её в техническом отсеке.

Она сидела за его столом — он разрешил, когда его не было — и работала с данными по Кериосу-7. Карты. Схемы расположения руин. Всё, что удалось найти по официальным каналам. Плюс кое-что, что нашёл сам Нэш по неофициальным.

— Нашла что-нибудь? — спросил он входя.

— Три вещи. — Она развернула к нему планшет. — Первое — официальная экспедиция три года назад. Нашли руины. Сняли данные. Опубликовали в академических сетях — стандартно. — Пауза. — Второе — неофициальная экспедиция шесть месяцев назад. Один корабль. Частное финансирование. В архивах — только регистрация маршрута. Результаты — засекречены.

— Я это видел, — сказал Нэш. — А третье?

— Третье интереснее. — Она переключила экран. — Символы, которые нашла официальная экспедиция. Я прогнала их через базу языка строителей. — Пауза. — Нэш. Это не просто надписи.

— Что это?

— Это инструкция. — Ева смотрела на экран. — Как активировать узловую точку. Пошагово. — Ещё пауза. — И последний шаг — биометрическое подтверждение. Носитель маркеров.

Нэш стоял и смотрел на экран. Долго.

— Значит те кто прилетал шесть месяцев назад — они это знали, — сказал он наконец.

— Знали. Но открыть не смогли. Носителя не было. — Ева посмотрела на него. — Теперь есть.

— Теперь есть, — согласился Нэш. Помолчал. — Ева.

— Что.

— Ты сказала Алексу?

— Скажу сегодня вечером.

— Хорошо. — Нэш сел за свою станцию. — Я продолжу копать по тем трём кораблям. К вечеру будет больше.

— Нэш.

— Что.

— Ты всё ещё лучший, — сказала Ева. — Из всех кого я знаю.

Нэш смотрел на экран. Потом — краем рта, совсем чуть:

— Знаю, — сказал он. — Это приятно слышать всё равно.

Вечером того же дня Ева нашла Ребэ Эзру на смотровой палубе.

Он сидел у стекла — с чайником, с кружкой, с тем абсолютным покоем, который был его постоянным состоянием. За стеклом — варп-пространство. Синее. Бесконечное. Ребэ Эзра смотрел на него как смотрят на что-то красивое — без анализа, просто видя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.